

УДК 811.111-26

ТРАНСФЕР ОБРАЗА *HOPE* (НАДЕЖДА) В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.П. Дмитриева

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики
e-mail: anima_libra@mail.ru

О.С. Федорович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских языков
e-mail: dragon-fly-fed@yandex.ru

Государственный университет просвещения (г. Москва)

Целью работы является исследование особенностей трансфера образа *hope* (надежда) в контексте взаимодействия английской и русской культур на материале стихотворения А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) и его переводов за авторством Н. Гумилёва (1919 г.) и В.В. Левика (1977 г.). С опорой на общие и частные методы лингвистического исследования в статье проводится поэтапный, комплексный анализ процесса адаптации образа *hope* (надежда), созданного А. Кольриджем, к русской лингвокультуре. Личность переводчика при этом рассматривается как «деми-автор» переложённого с языка на язык текста. В результате исследования авторы 1) обосновывают ряд закономерностей трансфера образа *hope* (надежда) из английской лингвокультуры в русскую, 2) делают выводы об обоснованности и необходимости адаптивных модификаций, производимых переводчиком в процессе культурного трансфера образа. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что исследование способов и средств адаптации образов, представленных в поэтических текстах, в контексте лингвокультурного взаимодействия позволяет 1) углубить и расширить научное знание в сфере адаптивного перевода, 2) найти новые подходы к достижению наиболее полной адекватности переложения текстов любой формы с английского языка на русский язык. Такое расширение теоретических и практических возможностей в дальнейшей перспективе позволит упредить трудности, неизбежно возникающие в процессе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: трансфер образа, текст, поэтический текст, переводческая стратегия, переводческая тактика, адаптация.

Введение

Настоящая статья посвящена анализу трансфера образа *hope* (надежда) в контексте взаимодействия английской и русской лингвокультур.

Материалом исследования является такой вид текста, как художественный поэтический текст. В современной языковедческой традиции при исследовании текстов применяются такие подходы, как «грамматический, коммуникативный и <...> семиотический» [Глебова 2017]. Они являют собой традиционные структурные представления о таком языковом феномене, как «текст». Однако в условиях интенсификации глобальных коммуникативных процессов и

междисциплинарной интеграции научного знания постепенно оформляется принципиально новый *когнитивный подход* к изучению текстов.

С точки зрения когнитивного подхода текст представляет собой цельное, законченное информационное и структурное семантическое образование, в той или иной степени подверженное коммуникативным факторам внешней направленности [Жирова, Чжан 2020: 140]. К таковым относятся субъективная и объективная мотивации создания текста, коммуникативная ситуация представления текста, личность автора, личность реципиента текстового образования [Жирова 2019: 84].

Каждый из означенных факторов в большей или меньшей степени влияет на образы, эксплицитно и / или имплицитно представленные автором в тексте.

На сегодняшний день не существует единого подхода к определению понятия «образ». Г.В. Степанов определяет этот феномен как «преобразованный в искусстве фрагмент действительности» [Степанов 1980: 204], а Л.В. Чернец как «воспроизведение любого явления, предмета в его целостности» [Чернец 2003: 7].

Характерными категориями образа являются:

- «... 1. чувственная достоверность;
2. пространственно-временная протяжённость;
3. предметная завершённость;
4. самодостаточность...» [Эпштейн 1987: 252].

В этом плане образ схож с концептом, однако, в отличие от культурных концептов, «отделён от всей окружающей действительности и принадлежит внутреннему, «иллюзорному» миру» [Там же: 253] автора текста.

Отметим, что насыщение текста образами напрямую зависит от его функциональной принадлежности и формы. Так, наиболее насыщены образами текстовые образования художественного функционального стиля – иными словами, поэтические тексты. Подчеркнем, что речь в данном случае не идёт о песенном поэтическом дискурсе, в котором наполнение образами достигается за счёт музыкального (и нередко визуального) сопровождения, которое не всегда создается самим автором текстового фрагмента. Традиционный стихотворный текст, наряду с различными лексико-стилистическими средствами, воздействует на внутреннее пространство реципиента за счёт особой авторской ритмики и мелодики. Именно этот факт позволяет говорить об авторском представлении того или иного образа. Иными словами, образ, представленный в стихотворении, отражает исключительно индивидуально-авторское представление о действительности, тогда как песенный дискурс в этом плане ситуативен.

Так, настоящая работа посвящена анализу закономерностей адаптации английского культурного поэтического образа *надежда / hope* к русской лингвокультуре. Исследование процесса культурного трансфера в настоящее время представляет **актуальную** фокусную точку исследовательского интереса

многих учёных (Степанов Г.В.; Тер-Минасова С.Г.; Чернец Л.В.; Эпштейн М.Н.), ввиду такого процесса, который назван С.Г. Тер-Минасовой «войной и миром языков и культур» [Тер-Минасова 2000: 8], который подразумевает «переосмысление, изменение семантики образа» [Там же] при взаимодействии культур, а именно при переводе текста с языка на язык. Ключевое свойство образа заключается в «пересечении предметного и смыслового рядов, словесно-обозначенного и подразумеваемого» [Эпштейн 1987: 252]. Иными словами, в структуре образа происходит размытие границ семантики разных феноменов, объектов и явлений и наблюдается их полная или частичная корреляция.

В процессе трансфера образа его переосмысление может приводить к усилению одних категорий и ослаблению других. Не исключено и полное исчезновение характерного признака в виду отсутствия семантических конструкторов подобного типа в культуре, к которой производится адаптация оригинала.

Адаптивный подход к переводу предполагает, прежде всего, обращение к коммуникативному основанию этого вида деятельности. Говоря об особенностях естественной коммуникации, К. Ажеж отмечает, что «... диалогические инстанции не обязательно ограничены двумя партнёрами» [Ажеж 2006: 223]. Так, в случае с адаптивным переводом, речь идёт, прежде всего, о межкультурной коммуникации, где участниками «разговора» является триада *автор – переводчик – реципиент текста*. «При изучении перевода как творческого диалога переводчика с автором оригинального текста необходимо сосредоточиться не столько на близости сравниваемых текстов, как это делает лингвистическая теория перевода, сколько на их различиях, уделив особое внимание случаям переосмысления исходного материала, вызванного личностной и национальной самобытностью переводчика» [Жирова 2019: 83-84]. Следовательно, справедливым будет восприятие личности переводчика как «деми-автора» переложенного на иностранный язык текста. Отметим, что в данном случае приставка «деми» нами используется в значении «(dis- (разделение, разъединение) + *medius* «средний; умеренный» (праиндоевр. *me-* «между») частичный, половинный, отдельный от)» [ЭТ 2023 [http](http://)].

Подобный взгляд на процесс перевода художественных поэтических текстов, а также роль и личность переводчика обуславливают **новизну** проводимого исследования.

Методы и методология

В основе методологии лежит когнитивный лингвокультурный подход к изучению вариативности адаптивных модификаций при переводе различного вида дискурсов в целом и художественного дискурса в частности.

Научной и научно-методической базой исследования послужили теории многих российских и зарубежных учёных в таких областях, как:

1) изучение констант и вариативности при трансфере образов художественного текста в контексте разных культур: Гончаренко С.Ф. [1999], Серебренников Б.А. [1988]; Степанов Г.В. [1980]; Тер-Минасова С.Г. [2000]; Чернец Л.В. [2003]; Эпштейн М.Н. [1987];

2) универсальное переводоведение: Комиссаров В.Н. [2003], Швейцер [2009];

3) адаптивный перевод текстов: Комиссаров В.Н. [2003], Гак В.Г. [2002];

4) представление коммуникативной модели перевода как акта двуязычной коммуникации: Жирова И.Г. [2019; 2020];

5) текстология: Тураева З.Я. [1986], Филиппов К.А. [2003], Чернявская В.Е. [2009];

б) интенциональная модель речевых стратегий и тактик: Гойхман О.Я., Надеина Т.М. [2008], Адамьянц Т.З. [2011].

Информационная база исследования представлена:

1) научными трудами в виде информации из книг, материалов конференций и круглых столов, докладов, статей; 2) электронными ресурсами (интернет- и PDF-версии книг, журналов, публикации) в качестве источника иллюстративного материала книг; 3) результатами собственных исследований авторов в сфере общей теории перевода, универсальной прагматики, грамматической семантики и адаптации различных видов дискурса в контексте межкультурной коммуникации представителей английского и русского лингвокультурного сообществ.

С опорой на общие (описание, сопоставление) и частные (переводческий трансформационный, квантитативный, интерпретирующий, когнитивный и деформационный) методы лингвистического анализа авторы изучили процесс адаптации образа *hope (надежда)* английской лингвокультуры к русскому мировоззрению.

Исследование и результаты

Рассмотрим подробнее особенности трансфера образа *hope (надежда)* из английской лингвокультуры в русскую и проанализируем, какие из характерных семантических категорий образа *hope (надежда)* 1) ослаблены, 2) усилены и 3) полностью исключены из его структуры в виду лингвокультурных особенностей русского языка.

Материалом нашего исследования служит текст стихотворения А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) и его переводы за авторством Н. Гумилёва (1919 г.), В.В. Левика (1977 г.) как наиболее известные и читаемые согласно интернет-порталу рейтинговых статистик – Internet Archive WEYBACH MACHINE.

Для лучшего понимания семантического наполнения образа *hope (надежда)* в английской лингвокультуре обратимся к его словарной дефиниции. В соответствии с *Cambridge Dictionary of English Language and*

Culture, лексема *hope* имеет такие значения как “1. *to want something to happen or to be true, and usually have a good reason to think that it might; 2. something good that you want to happen in the future, or a confident feeling about what will happen in the future; 3. the feeling that something desired can be had or will happen*” [CD 2022 <http>].

В составе значения образа выделяются такие аспекты смысла, как: ассоциативный, денотативный и коннотативный [Кунин 2005: 310]. Денотативный аспект отвечает за языковые средства, напрямую кодирующие образ в тексте. К ассоциативно-метафорическим относятся те языковые средства, которые передают содержание образа опосредованно. Коннотативными именуется частные случаи кодирования образа в отдельно взятом текстовом фрагменте. Выделение того или иного аспекта семантики образа осуществляется при использовании образа в речевой практике [Там же].

Исходя из словарной дефиниции, на основе анализа языкового материала, выявлено, что в английской лингвокультуре образ *hope (надежда)* складывается из таких лексических единиц как: *a want / to want, a wish, to feel sorry or sad, punishment, experience*, а также их абсолютных синонимов. Наряду с этим в семантический код образа целесообразно включить контекстные синонимы и фраземы, в составе которых употребляются непосредственно сами лексемы или их замещения.

Так, в оригинальном тексте произведения *денотативный аспект* образа *hope (надежда)* представлен такими лексическими единицами как: *curse* (5 случаев), *bird* (8 случаев), *light* (12 случаев), *God* (8 случаев), *will* в значении «воля» (1 случай), *repance* (2 случая), *sad* (3 случая).

Ассоциативно-метафорический аспект образа *hope (надежда)* представлен лексемами: *star* в значении ‘путеводная звезда’ (6), *wind* – ‘ветер перемен’ (8), *sun* – ‘луч / свет надежды’ (12).

К коннотативному ряду образа *hope (надежда)* представляется возможным отнести лексему *albatross* (2 случая), которую А. Кольридж употребляет исключительно с определённым артиклем и с заглавной буквы – *The Albatross* – как имя нарицательное. Птица – альбатрос или чайка – согласно мифологии Великобритании, отождествляется с полетом «духа и мысли. Вместе с тем данный образ <...> символизирует вину и бремя нарушившего табу» (цит. по: [Bergreen 2003 <http>]).

Интересен и тот факт, что непосредственно лексема *hope* не употребляется в тексте стихотворения ни разу, что свидетельствует о том, что образ *hope (надежда)* метафоричен и символичен всегда, но чаще в имплицитной форме. То есть для его декодирования (реципиенту) и последующего трансфера (переводчику) требуется затратить усилия, не сводимые к сопоставлению языковых единиц и их значений. Подобное возможно только при учёте собственных ощущений реципиента текста, его собственно-предметного содержания сознания – чувственного восприятия.

Теперь обратимся к толковому словарю русского языка. Для русской лингвокультуры *надежда* представляет собой положительно окрашенную эмоцию, которая появляется «*при напряжённом ожидании исполнения желаемого и предвосхищающая возможность его свершения (религиозный и культурный концепт, связанный с осмыслением состояния человека)*» [Ожегов 2017: 365].

Уже на данном этапе видны различия в восприятии чувственной категории образа между представителями лингвокультур.

Во-первых, образ *надежды* для русской языковой личности является позитивно-окрашенным, тогда как в английском языке это “*a sad feeling*”.

Во-вторых, в англоязычной дефиниции отсутствует семантический конструкт «напряжённое ожидание» – т.е. смещены категории пространственно-временной протяжённости и предметной завершенности. Языковая личность не знает, в каком ключе разрешится ситуация, и находится в пассивной роли наблюдателя, иными словами, вверяет свою жизнь в руки Бога / Судьбы. Ключевые конструкты английской дефиниции “*want to happen in the future*” и “*a confident feeling about what will happen*”, напротив, подчёркивают оптимистичный настрой языковой личности и стремление работать для успешного разрешения трудной ситуации. *Бог / Судьба* в данном контексте видятся исключительно арбитрами, оценивающими результат, а не судьями, выносящими приговор.

Адаптация образа одной лингвокультуры к другой подразумевает прежде всего, что каждый конкретный случай обращения к адаптивному переводу рассматривается как частная коммуникативная ситуация. Исходя из этого, авторы посчитали справедливым предположить, что, как в случае общей коммуникации, здесь должны использоваться частные речевые стратегии и тактики [Гойхман, Надеина 2008: 145].

Кумулятивный потенциал адаптивного вида перевода позволяет определить переводческие стратегии как «...направления развития и организации воздействия в интересах достижения цели общения» [Гойхман, Надеина 2008: 145]. Социолог Т.З. Адамьянц относит к речевым стратегиям наши «базовые стремления и желания» [Адамьянц 2011: 28] и замечает, что они определяются исключительно особенностями социокультурной среды говорящего. Подчеркнём, однако, что термин применим только и исключительно к авторским языковым интенциям, на адекватную и эквивалентную передачу которых и направлены усилия переводчика.

Переводчик реализует авторские речевые стратегии при помощи различных речевых тактик. Под речевой тактикой в данном ракурсе предлагаем понимать определённый, правильно подобранный речевой приём, «...эффективный в данных конкретных складывающихся речевых условиях для достижения основной, стратегической цели беседы» [Гойхман, Надеина 2008: 145]. Таким образом, любой конкретный речевой

приём можно рассматривать как адаптивную переводческую модификацию – т.е. переводческую тактику. Подчеркнем, что производится она должна только и исключительно, когда возникает необходимость реализации определённой речевой стратегии, и не должна происходить стихийно.

Выбор речевой тактики «...напрямую связан с <...> личностными особенностями субъекта, вступающего в коммуникацию: уровнем образования, социальным статусом, <...>, возрастом, жизненным опытом» [Адамьянц 2011: 26], а также зависит от мотивационно-обусловленных целей коммуникации: авторских (мотивация, посыл, опыт, переживания) и целевых (экстралингвистические и лингвокультурные факторы определяющие аудиторию, для которой работает переводчик).

Отметим также, что многие «...речевые тактики <...> могут с определённой коррекцией взаимопроникать» [Гойхман, Надеина 2008: 145]. Речевая тактика, выраженная той или иной лексемой, может использоваться с такой стратегической целью, как «...убеждение, получение максимума информации по теме общения либо о собеседнике и, одновременно с этим, налаживание контакта, речевое тестирование, позитивная саморепрезентация и т.д.» [Там же: 146].

В связи с особенностями кодирования образа *hope* в английской лингвокультуре в целом и в произведении А. Кольриджа в частности, к основным речевым намерениям реализации образа *hope (надежда)* служат 5 базовых интенций:

1) **личный рост и развитие** – представлена лексемами (*rise, wise, learn, know*) с ключевым семантическим конструктом “*knowledge*” в значении “*understanding of or information about a subject that you get by experience or study, either known by one person or by people generally*” [CD 2022 http].

Например, в высказывании:

“... *He went like one that hath been stunned,*

And is of sense forlorn:

A sadder and a wiser man,

He rose the morrow morn...” [Coleridge, 1834, Электронный ресурс].

2) **стремление к внутренней гармонии** – представлена лексемами (*love, pray*) с ключевым семантическим конструктом “*love*” в значении “*to express admiration or hope for something*” [CD 2022 http].

Например, в строфе:

“... *He prayeth well, who loveth well*

Both man and bird and beast...” [Coleridge 1834 http].

3) **созидание** – представлена лексемами (*make, do*) с ключевым семантическим конструктом “*create*” в значении “*to make something new*” [CD 2022 http].

Например:

“... *He prayeth best, who loveth best
All things both great and small;
For the dear God who loveth us,
He made and loveth all...*” [Coleridge 1834 http].

4) **привлечение внимания** – представлена лексемами (*teach, tell, say* и *speak*) с ключевым семантическим конструктом “*give information or instructions*” [CD 2022 http].

Как в высказывании:

“... *I pass, like night, from land to land;
I have strange power of speech;
That moment that his face I see,
I know the man that must hear me:
To him my tale I teach...*” [Coleridge 1834 http].

5) **обретение чувства защищённости** – представлена лексемами (*free, break*) с ключевым семантическим конструктом “*free*” в значениях “1. *relaxed, 2. not a prisoner any longer, or having unlimited movement*” [CD 2022 http].

В строках:

“... *Forthwith this frame of mine was wrenched
With a woful agony,
Which forced me to begin my tale;
And then it left me free...*” [Coleridge 1834 http].

Интересен тот факт, что мотивационные интенции формирования образа *hope* (**надежда**) представляется возможным соотнести с иерархией человеческих потребностей А. Маслоу [Maslow 1943: 370-396]. Так, внутри образа *hope* (**надежда**) в той или иной степени через интенции проявлены такие потребности, как *духовная, эстетическая, творческая, физиологическая и потребность в безопасности* [Там же].

Отметим, что на первое место в произведении А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) выходит именно *духовная* потребность, а именно, желание стать лучше, через покаяние и очищение от чувства вины.

На материале переводов Н. Гумилёва и В. Левика проследим особенности адаптации всех трёх (денотативного, ассоциативного и коннотативного) аспектов образа *hope* (**надежда**) к русской лингвокультуре в целом и сохранение *интенционно-мотивационного потенциала образа* в частности.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу языкового материала, ещё раз отметим, что выбор речевой тактики в процессе культурного трансфера образа «...напрямую связан с <...> личностными особенностями субъекта, вступающего в коммуникацию: уровнем образования, социальным статусом, <...>, возрастом, жизненным опытом» [Адамьянц 2011: 26], т.е. в нашем случае, с личностью переводчика как деми-автора текста.

1. Перевод Н. Гумилёва (1919 г.)

Перевод стихотворения А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) / «Поэма о старом моряке» (1919) был выполнен российским поэтом, писателем и переводчиком Н. Гумилевым по заказу издательства «Всемирная литература».

В комментарии к изданию книги поэт и переводчик замечает: «Поэты Озерной школы <...> во имя поэтической полноты <...> пожелали, чтобы их стихотворения удовлетворяли не только воображению, но и чувству, не только глазу, но и уху. Эти стихотворения видишь и слышишь, им удивляешься и радуешься, точно это уже не стихи, а живые существа, пришедшие разделить твое одиночество» [Гумилёв 1919: 7-8]. Такое представление о произведении отражено в переводе, выполненном Н. Гумилёвым, за счёт стилистических и художественных трансформаций текста.

Так, в случае лексико-семантических средств, кодирующих **денотативный аспект** образа *hope* (надежда), в полной мере сохранено количественное соотношение лексем *bird* (птица), *God* (Бог), *penance* (покаяние), *sad* (грустный) и их качественное применение.

Лексема *will* в значении «воля» заменена выражением «завладеть вниманием». Например: “...*And listens like a three years' child: The Mariner hath his will...*” [Coleridge 1834 http] / «... Ему внимает, как дитя, Им овладел Моряк...» [Гумилёв 1974: 155].

Вполовину уменьшено количество употреблений лексемы *light*, однако это связано с тем, что в случае с английским языком словоформа *light* может быть как существительным, так и глаголом.

Лексема *curse* (проклятье), хотя и представлена в тексте перевода, имеет отличное от оригинала значение, а именно наблюдается сдвиг семантики. В английской лингвокультуре словоформа *curse* имеет такое словарное значение, как: “*1. a true cause of trouble (noun)*” [CD 2022 http], тогда как в русском языке лексема «проклятье» употребляется в значении «то, что тяготит, мучает, делает несчастным кого-л.» [Ожегов 2017: 602]. Для русской лингвокультуры причина неприятностей выносится за рамки коммуникативной ситуации посредством безличных конструкций, поскольку проклятье для русского человека аморфно, тогда как для носителя английского языка всегда имеет под собой причину.

Несмотря на то, что количество лексико-семантических средств, кодирующих **ассоциативно-метафорический аспект** образа *hope* (надежда) сохранено в переводе в полном объёме, Н. Гумилёв производит незначительные изменения текста-оригинала. Они заключаются в использовании архаичной лексики и лексики возвышенного стиля в сочетании с лексемами, кодирующими образ надежды.

Например, в оригинальном высказывании: “*The Sun's rim dips; the stars rush out; At one stride comes the dark*” [Coleridge 1834 http] звучит

существительное *stride* – «1. шеренга; 2. ряд, когда объекты выстроены на равном расстоянии друг от друга» [WordHunt 2023 http]. В русском варианте «Уж Солнца нет; уж звезд черед, Недолго вечер был» [Гумилёв 1974: 162] Н. Гумилёв наряду с инверсированной конструкцией «вечер был» использует слово *черёд* – «простореч. группа людей, ожидающих чего-л. в порядке очередности и располагающихся один за другим» [Евгеньева 1999 http], за счёт семантики которого олицетворяет небесные тела и наделяет их самосознанием, тем самым сохраняя стиль Озёрной школы.

Как и в случае с текстом-оригиналом, в переводе Н. Гумилёва слово «альбатрос», представляющее **коннотативный аспект** образа *hope (надежда)*, также написано с заглавной буквы и представляет собой имя собственное.

Говоря о передаче образа *hope (надежда)* в переводе Н. Гумилёва, мы можем заключить, что лингвокультурные трансформации в тексте минимальны и производятся только и исключительно там, где грамматическая конструкция английского языка не может быть адекватно представлена в русском.

Интенционно-мотивационный потенциал образа смещён незначительно.

2. Перевод В. Левика (1977 г.)

В.В. Левик – российский поэт-переводчик и литературовед, известен своими переложениями на русский язык произведений У. Шекспира, Дж. Г. Байрона, И.В. Гёте, Ж. Лафонтена и многих других поэтов и драматургов. Его переводы «отличаются высокой культурой, поэтичностью и точностью в передаче подлинника» [КХ 1997: 131].

Адаптивный перевод стихотворения А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) / «Сказание о старом мореходе» (1977) впервые опубликован в сборнике избранных трудов переводчика в 1977 году. В качестве эпиграфа к стихотворению В.В. Левик приводит слова Т.Э. Барнетта, который замечает, что «вне всяких сомнений, приятно иногда нарисовать своему мысленному взору, как на картине, образ большего и лучшего мира: чтобы ум, привыкший к мелочам обыденной жизни, не замкнулся в слишком тесных рамках и не погрузился целиком в мелкие мысли» [Тайлор 1989: 68].

Среди языковых средств, представляющих в оригинальном тексте **денотативный аспект** образа *hope (надежда)*, лексемы *bird* (птица), *sad* (грустный), *light* (свет) и *curse* (проклятье) не подвергались каким-либо заменам и/или трансформациям. Их количественное соотношение соответствует количеству, представленному в тексте-оригинале.

Лексема *God* (Бог) в большинстве случаев заменена такими синонимами, как «Творец» и «Дух», что представляется вполне обоснованным ввиду того, что в русском языке Творцом именуют именно Бога-Отца, «верховное существо, создавшее мир и управляющее им» [Евгеньева 1999 http].

Лексема *repance* (покаяние) заменена словом «кара» – «доставление неприятностей, страданий в ответ на плохое/непотребное/незаконное поведение/поступок». Например: «*И голос прозвенел другой, Но сладостный, как мед: Он кару заслужил свою И кару понесет*» [Левик 1974: 22]. Так, кара хотя и является частичным синонимом лексемы «покаяние» – «1. признание в совершенном проступке, в ошибке; 2. искупление вины / возмещение нанесённого ущерба благим делом» [Евгеньева 1999 http], в отличие от последнего несёт не назидательный характер, а больше приближено к таким семантическим ключам, как «отмщение» и/или «возмездие».

Лексема *will* заменена сравнительным оборотом «быть зачарованным», то есть «быть пленённым или восхищенным действием чего-л. (как правило, магического характера)» [Евгеньева 1999 http] («...*And listens like a three years' child: The Mariner hath his will...*» [Coleridge 1834 http] / «*Как зачарованный стоит Пред Старым Моряком*» [Левик 1974: 6].), что позволяет переводчику подчеркнуть мистическую природу гостя и его истории.

Количество лексико-семантических средств, кодирующих **ассоциативно-метафорический аспект** образа *hope* (**надежда**), как и в случае с переводом Н. Гумилёва, сохранён в полном объёме. Однако в данном случае здесь также присутствуют разного рода адаптивные трансформации. Так, например, В.В. Левик употребляет лексемы, кодирующие этот аспект образа преимущественно с глаголами действия, представляющими поведение человека. Такой подход позволяет создать в сознании читателя образ разумной живой природы, обладающей собственным самосознанием. И как любое разумное существо, она заслуживает бережного и вежливого к ней отношения, что является одним из тезисов, которые раскрывали в своих произведениях поэты Озёрной школы.

Лексема коннотативного аспекта образа *hope* (**надежда**) – «Альбатрос» – представлена именем собственным.

Таким образом, при трансфере образа *hope* (**надежда**) в своём переводе В.В. Левик производит минимальные адаптивные модификации оригинального текста. Они затрагивают в основном синтаксическую составляющую текста: длинные предложения разбиваются на несколько кратких без изменения ритма и ритмики оригинала.

Интенционно-мотивационный потенциал образа смещён незначительно.

Заключение

Данные исследования можно представить в виде ряда графических и текстовых выводов, обобщающих наши (авторов статьи) наблюдения.

Квантитативные данные реализации интенционно-мотивационного потенциала реализации образа *hope* (**надежда**) в английской лингвокультуре отражены на Рисунке 1.

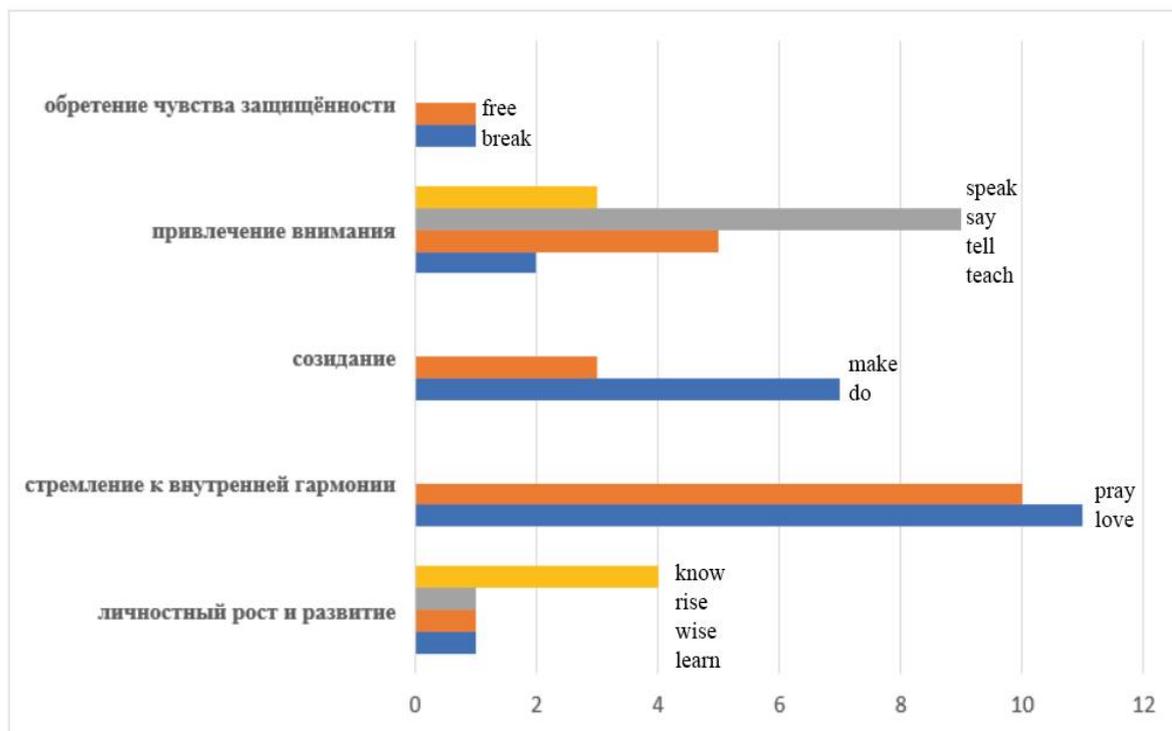

Рис. 1. Лексемы реализации интонационно-мотивационного потенциала образа *hope* (надежда)

Как видно на Рисунке 1, наиболее частотной коммуникативной стратегией (интенцией), в рамках которой говорящий обращается к образу *hope* (надежда) в английской лингвокультуре, является *стремление к внутренней гармонии*. В произведении А. Кольриджа эта интенция представлена лексемами *love* – (11 коммуникативных ситуаций) и *pray* (10 коммуникативных ситуаций). Зачастую означенные лексемы представлены в рамках одного высказывания. Этот факт может быть связан с тем, что для автора любовь представляет собой высшую точку созидания, которая присуща исключительно Творцу и к которой человек стремится на протяжении всей своей жизни.

Следующей по объёму встречаемости является интенция привлечения внимания. Эта интенция кодируется лексемами *teach* (2 коммуникативные ситуации), *tell* (5 коммуникативных ситуаций), *say* (9 коммуникативных ситуаций), *speak* (3 коммуникативные ситуации). Так, на первое место выходит лексическая единица *to say*, поскольку в её дефиниции отражён комплекс значений, а именно “*to express a thought, opinion, or suggestion, or to state a fact or instruction*” [CD 2022 <http>] / «выражать мысль, мнение, предложение; озвучивать факт или инструкции» [Перевод наш – О.Д.]

Интенции личного роста и созидания представлены в тексте стихотворения примерно в равном количестве. *Личностный рост* раскрывается посредством таких единиц как *rise* (1 коммуникативная ситуация), *wise* (1 коммуникативная ситуация), *learn* (1 коммуникативная ситуация), *know*

(4 коммуникативные ситуации). *Интенция созидания* – *take* (3 коммуникативные ситуации), *do* (7 коммуникативных ситуаций).

Самой малочисленной интенцией репрезентации образа *hope* (*надежда*) является «обретение чувства защищённости». Эта интенция представлена лексемами *free* (1 коммуникативная ситуация), *break* (1 коммуникативная ситуация).

Подобное соотношение обусловлено тем, что основной целью надежды является достижение умиротворения и состояния внутреннего покоя. Рост над собой, развитие и чувство защищённости являются следствием, а не способом достижения этой цели.

При культурном трансфере образа *hope* (*надежда*) в русскую лингвокультуру переводчик неизбежно производит ряд трансформаций на разных уровнях языка, поскольку семантический потенциал лексемы «надежда» и “*hope*” разнится в значительной мере.

Наиболее полно при сохранении максимально возможного текстового объема выполнен перевод Н. Гумилёва. Наиболее поэтическим и стилистически верным является перевод В.В. Левика.

В каждом из переводов произведения А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) адаптивные трансформации при трансфере образа *hope* (*надежда*) на русский язык наблюдается смещение в интенционно-мотивационном ракурсе.

Так, образ *hope* (*надежда*) в английской лингвокультуре представляет собой чувство перемены к лучшему ввиду искупления / исправления собственных ошибок. В произведении А. Кольриджа “*The Rime of the Ancient Mariner*” (1798 г.) *hope* представлена этико-мифологическим абстрактным ноосферным образованием – великой силой, «планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» [Вернадский 1993: 289]. Согласно переводу Н. Гумилёва *надежда* воспринимается как желание личностного роста и развития, в рамках адаптивного перевода В.В. Левика – созидательной силой.

Обобщая всё вышесказанное, отметим, что речевые стратегии и речевые тактики играют ключевую роль в формировании категории семантической и прагматической креативности текста. Выбор речевой тактики мотивирован целями коммуникации, что в полной мере предопределяет и выбор лексических средств переводчиком, основной задачей которого при работе со стихотворным художественным текстом является воплощение основных интенций речевого взаимодействия автора оригинала с читателем.

Адаптивная модель перевода направлена прежде всего на устранение различий в контексте лингвокультурного взаимодействия. Трансформации, которым подвергаются при адаптации образы, заложенные автором в оригинальный текст, неизбежны ввиду различий культурного кода –

«исторически сложившейся, социально сконструированной системы <...> значений <...>, относящихся к коммуникативному поведению» (цит. по: [Philipsen 1997: 119]) каждого языкового сообщества. Такие изменения затрагивают исключительно ассоциативно-метафорический аспект образа. Денотативный и коннотативный аспекты при культурном трансфере образа не выявляются, а сдвиг в мотивационно-инстанционном поле образа минимален.

Библиографический список

Адамьянц Т.З. Социальные коммуникации. М.: Дрофа, 2011. 208 с.

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.

Вернадский В.И. Автотрофность человечества / Семенова С.Г., Гачева А.Г. Русский космизм: Антология философской мысли М.: Педагогика-Пресс, 1993. 288-303

Гак В.Г. Типология преобразований в актантной структуре высказывания при переводе // Вопросы филологии 2002. №1 (10). С. 42-47.

Глебова М.А. Текст как теоретическое понятие и научная проблема // Евразийский научный журнал. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://journalpro.ru/articles/tekst-kak-teoreticheskoe-ponyatie-i-nauchnaya-problema/> (дата обращения: 01.04.2023).

Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2008. 207 с.

Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: Высшая Школа, 1999. Вып. 24 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения: 01.04.2023).

Гумилёв Н.С. Поэма о старом Моряке / Отв.ред. А.А. Елистратова // Кольридж С.Т. Стихи. М.: Изд-во «НАУКА», 1974. С. 155-177.

Гумилев Н.С. Предисловие // Кольридж С.Т. Поэма о старом моряке. Пб., 1919. С. 7-8.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка. М.: Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 01.04.2023).

Жирова И.Г. «Перевод по мотивам» как межкультурный творческий диалог между Дж. Байроном и М.Ю. Лермонтовым // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения». Коломна: ГСГУ, 2019. С. 82-87.

Жирова И.Г. Интеракция художественного перевода и межкультурной коммуникации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвокультурологии и

межкультурной коммуникации в теории и практике перевода». М.: ИИУ МГОУ, 2020. С.135-138.

Жирова И.Г., Чжан Ц. Художественный перевод как средство преодоления культурного изоляционизма // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практике перевода». М.: ИИУ МГОУ, 2020. С.139-141.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М.: Наука, 2003. 136 с.

КХ – Компьютерная хроника: К 90-летию со дня рождения художника и переводчика Вильгельма Вениаминовича Левика. М.: Наука, 1997. Вып. 6. С. 131-166.

Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Феникс, 2005. 344 с.

Левик В.В. Сказание о старом Мореходе / Отв. ред. Елистратова А.А. // Кольридж С.Т. Стихи. М.: Изд-во «НАУКА», 1974. С. 5-30.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование: Оникс, 2017. 736 с.

Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. №3. С. 195-204.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 262 с.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 572 с.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.

Филиппов К.А. Лингвистика текста. Курс лекций. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 336 с.

Фуллер-Мейтленд Дж. А. Артур Кольридж: Воспоминания. US, 1921. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/cu31924028314494/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 01.04.2023).

Чернец Л.В. Виды образа в литературном произведении // Филологические науки. 2003. №4. С. 3-13.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Просвещение, 2009. 201 с.

Эпштейн М.Н. Образ // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 252-256.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука. 2009. 214 с.

ЭТ – Этимологический словарь русского языка. М., 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 1.04.2023).

CD – Cambridge Dictionary. Free Cambridge Dictionary Online. UK, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 1.04.2023)

Coleridge S.T. The Rime of the Ancient Mariner. UK, 1834 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43997/the-rime-of-the-ancient-mariner-text-of-1834> (дата обращения: 1.04.2023).

Maslow A.H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. № 50. Pp. 370-396 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Maslow/motivation.htm> (дата обращения: 01.04.2023).

Philipsen G. A theory of speech codes // Developing communication theories. Albany: State University of New York Press, 1997. Pp. 119-156.

WordHunt. Англо-русский словарь и Русско-английский тематический словарь. М., 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://woordhunt.ru/> (Дата обращения: 01.04.2023).

References

Adam'yanc T.Z. Social'nye kommunikacii. M.: Drofa, 2011. 208 s.

Azhezh K. Chelovek govoryashchij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki. M.: Editorial URSS, 2006. 304 s.

Vernadskij V.I. Avtotrofnost' chelovechestva / Semenova S.G., Gacheva A.G. Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli M.: Pedagogika-Press, 1993. 288-303

Gak V.G. Tipologiya preobrazovanij v aktantnoj strukture vyskazyvaniya pri perevode // Voprosy filologii 2002. №1 (10). S. 42-47.

Glebova M.A. Tekst kak teoreticheskoe ponyatie i nauchnaya problema // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. M., 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://journalpro.ru/articles/tekst-kak-teoreticheskoe-ponyatie-i-nauchnaya-problema/> (data obrashcheniya: 01.04.2023).

Gojzman O.YA., Nadeina T.M. Rechevaya kommunikaciya. M.: INFRA-M, 2008. 207 s.

Goncharenko S.F. Poeticheskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost' // Tetradi perevodchika. M.: Vysshaya SHkola, 1999. Vyp. 24 [Elektronnyj resurs]. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (data obrashcheniya: 01.04.2023).

Gumilyov N.S. Poema o starom Moryake / Otv.red. A.A. Elistratova // Kol'ridzh S.T. Stihi. M.: Izd-vo «NAUKA», 1974. S. 155-177.

Gumilev N.S. Predislovie // Kol'ridzh S.T. Poema o starom moryake. Pb., 1919. S. 7-8.

Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo yazyka. M.: Poligrafresursy, 1999 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (data obrashcheniya: 01.04.2023).

ZHirova I.G. «Perevod po motivam» kak mezhkul'turnyj tvorcheskij dialog mezhdu Dzh. Bajronom i M.YU. Lermontovym // Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovremennogo yazykovogo obrazovaniya v vuze: voprosy teorii yazyka i metodiki obucheniya». Kolomna: GSGU, 2019. S. 82-87.

ZHirova I.G. Interakciya hudozhestvennogo perevoda i mezhkul'turnoj kommunikacii // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoj kommunikacii v teorii i praktike perevoda». M.: IJU MGOU, 2020. S.135-138.

ZHirova I.G., CHzhan C. Hudozhestvennyj perevod kak sredstvo preodoleniya kul'turnogo izolyacionizma // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym

uchastiem «Aktual'nye problemy lingvokul'turologii i mezhkul'turnoj kommunikacii v teorii i praktike perevoda». M.: IJU MGOU, 2020. S.139-141.

Komissarov V.N. Obshchaya teoriya perevoda. M.: Nauka, 2003. 136 s.

KKH – Komp'yuternaya hronika: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya hudozhnika i perevodchika Vil'gel'ma Veniaminovicha Levika. M.: Nauka, 1997. Vyp. 6. S. 131-166.

Kunin A.V. Anglijskaya frazeologiya. M.: Feniks, 2005. 344 s.

Levik V.V. Skazanie o starom Morekhode / Otv. red. Elistratova A.A. // Kol'ridzh S.T. Stihi. M.: Izd-vo «NAUKA», 1974. S. 5-30.

Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Mir i Obrazovanie: Oniks, 2017. 736 s.

Stepanov G.V. O granicah lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza hudozhestvennogo teksta // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1980. T. 39. №3. S. 195-204.

Ter-Minasova S.G. YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. M.: Slovo, 2000. 262 s.

Tajlor E.B. Pervobytnaya kul'tura. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1989. 572 s.

Turaeva 3.YA. Lingvistika teksta. M.: Prosveshchenie, 1986. 127 s.

Filippov K.A. Lingvistika teksta. Kurs lekcij. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 336 s.

Fuller-Mejtlend Dzh. A. Artur Kol'ridzh: Vospominaniya. US, 1921. [Elektronnyj resurs].

URL: <https://archive.org/details/cu31924028314494/page/n5/mode/2up> (data obrashcheniya: 01.04.2023).

CHernec L.V. Vidy obraza v literaturnom proizvedenii // Filologicheskie nauki. 2003. №4. S. 3-13.

CHernyavskaya V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. M.: Prosveshchenie, 2009. 201 c.

Epshtejn M.N. Obraz // Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1987. S. 252-256.

SHvejcer A.D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty. M.: Nauka. 2009. 214 s.

ET – Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M., 2023 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rus-etymological-dict.slovaronline.com> (data obrashcheniya: 1.04.2023).

CD – Cambridge Dictionary. Free Cambridge Dictionary Online. UK, 2022 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashcheniya: 1.04.2023)

Coleridge S.T. The Rime of the Ancient Mariner. UK, 1834 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/43997/the-rime-of-the-ancient-mariner-text-of-1834> (data obrashcheniya: 1.04.2023).

Maslow A.H. A Theory of Human Motivation // Psychological Review. 1943. № 50. Pp. 370-396 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Maslow/motivation.htm> (data obrashcheniya: 01.04.2023).

Philipsen G. A theory of speech codes // Developing communication theories. Albany: State University of New York Press, 1997. Pp. 119-156.

WordHunt. Anglo-russkij slovar' i Russko-anglijskij tematicheskij slovar'. M., 2022 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://woordhunt.ru/> (Data obrashcheniya: 01.04.2023).